

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

DOI: 10.46698/VNC.2021.79.40.004

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ В РУССКОМ И ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКАХ

З.И. Годизова
Д.В. Габисова

Статья посвящена сопоставлению семантической категории целесообразности в русском и осетинском языках. Целью исследования является выявление всех возможных средств выражения семантики целесообразности в сопоставляемых языках, возможных различий в диапазоне этих средств и в разном их статусе. Актуальность предпринятого исследования обусловлена тем, что сравнение и выявление всех возможных языковых средств выражения данной семантической категории в русском и осетинском языках внесет значительный вклад в сравнительно-сопоставительное языкознание, в изучение функционально-семантической категории модальности, конкретного модального значения целесообразности. Научная новизна данной статьи заключается в том, что семантическая категория целесообразности не привлекала активного внимания исследователей и совершенно не изучена в сопоставительном аспекте. В ходе исследования использованы методы наблюдения, описания, функционально-семантического анализа, компонентного анализа, количественная методика. На основании проведенного анализа установлено, что в обоих языках семантическая категория целесообразности представлена разнообразными языковыми средствами выражения (лексическими, морфологическими, синтаксическими). Это свидетельствует о чрезвычайной значимости концепта «целесообразность» для русской и осетинской языковой картины мира. Определены центральные и периферийные компоненты функционально-семантического поля целесообразности в русском и осетинском языках. Выявлены значительные отличия в системе языковых средств выражения целесообразности в обоих языках. Наиболее существенными отличиями системы осетинского языка является наличие причастий будущего времени, основной функцией которых является выражение семантики целесообразности, а также более частое выражение указанного значения описательными конструкциями, что вполне соотносится с аналитизмом и метафоричностью осетинского языка. В осетинском языке гораздо меньше глаголов с семантикой целесообразности, отсутствуют слова категории состояния, являющиеся одним из ярких средств выражения указанного значения в русском языке, в меньшей степени представлены синтаксические конструкции с семантикой целесообразности (безличные, инфинитивные, неопределенно-личные).

Ключевые слова: модальность, целесообразность, русский язык, осетинский язык, языковые средства выражения, функционально-семантическое поле.

В современной лингвистике активно описываются различные семантические категории в рамках модальности.

Функционально-семантическая категория модальности издавна является предметом интереса и различных интерпретаций многих лингвистов [5; 3; 15; 9; 17; 4 и др.]. Всех этих ученых объединяет представление о категории модальности как об одном из явлений, формирующих предложение в качестве предикативной единицы.

Впервые внимание к модальности привлек В.В. Виноградов, отметив, что «каждое предложение включает в себя как существенный конструктивный признак модальное значение, т.е. содержит в себе указание на отношение к действительности» [5, 55]. Модальность, будучи тесно связанной с предикативностью, выражает отношение говорящего к действительности [5, 269].

Идея о том, что в предложении всегда выделяется два плана – объективный и субъективный, определяемые как диктум и модус, обычно приписывается Ш. Балли, утверждавшему, что «модальность всегда присутствует в предложении, она – его душа» [3, 35], однако эта мысль была высказана задолго до него модистами, концепцию которых и развил Ш. Балли.

Русская грамматика отмечает, что «в сферу модальности включаются

слова – глаголы, краткие прилагательные и предикативы, – своими лексическими значениями выражающие возможность, желание, долженствование, необходимость или вынужденность, предстояние, готовность» [15, 215].

Несмотря на некоторые различия в трактовке категориального содержания модальности, детальное изложение которых не входит в зону нашего внимания, лингвисты сходятся во мнении, что модальность – это главное организующее начало предложения. Модальность – понятие широкое, включающее очень богатый диапазон значений.

Пожалуй, меньше других субъективно-модальных значений привлекала к себе внимание семантическая категория целесообразности (например: [19; 14; 8]), особенно в сопоставительном аспекте.

Целью данного исследования является выявление всех возможных средств выражения семантики целесообразности в русском и осетинском языках, возможных различий в диапазоне этих средств и в разном их статусе. На основании проведенного исследования предполагается построить функционально-семантическое поле (ФСП) целесообразности в русском и осетинском языках как частное поле в рамках ФСП модальности, сопоставить центральные и периферийные элементы этих полей.

Сравнение и выявление всех возможных языковых средств выражения данной семантической категории в русском и осетинском языках, принадлежащих к разным группам языков, но в рамках единой индоевропейской семьи, внесет значительный вклад в изучение функционально-семантической категории модальности, конкретного модального значения целесообразности, а также в целом в сравнительно-сопоставительное языкознание.

Целесообразность очень тесно взаимодействует с необходимостью, долженствованием, желательностью, поэтому часто лингвисты их не разграничивают. Действительно, эти значения довольно тесно связаны и часто выступают в сопряженном виде (например, модальные слова *надо*, *нужно*, *должно* могут в разных контекстах выражать семантику необходимости, долженствования, целесообразности). Вместе с тем мы полагаем, что семантическая категория целесообразности имеет уникальную семантику и специфический, свойственный только для нее спектр языковых средств выражения. Но чтобы это показать и доказать, необходимо определить специфику семантики целесообразности, выявить семы, составляющие это языковое значение. Попытаемся сделать это, используя определения, данные в философском и в некоторых толковых словарях русского языка. Это поможет нам установить ядерные и периферийные смыслы, составляющие общую семантику целесообразности.

В философском словаре дается такое определение данному понятию: «Соответствие явления или процесса определенному (относительно завершенному) состоянию, материальная или идеальная модель которого представляется в качестве цели» [18, 762].

В словаре С.И. Ожегова *целесообразный* – «соответствующий поставленной цели, вполне разумный, практически полезный. *Целесообразное решение. Ц. поступок.* || Сущ. *Целесообразность*» [12, 870].

В Словаре русского языка (в 4-х тт.) слово *целесообразный* определяется так: «1. Причинно обусловленный, закономерный, внутренне оправданный. *Целесообразные изменения в природе.* || Появившийся в результате приспособляемости организма к условиям существования в природе. *Целесообразные признаки организации животных и растений.* 2. Соответствующий поставленной или намеченной цели, разумный, практически полезный. *Целесообразное мероприятие. Целесообразное использование средств. Каким внушительным выглядел цилиндр! Внушительным и все же легким, может быть, потому, ... что конструкторы нашли самую целесообразную форму.* Кетлинская. Дни вашей жизни» [16, 636].

«Целесообразность – «Свойство по знач. прил. Целесообразный. Никогда до тех пор я не представлял себе целесообразности всего, что происходит в природе, всей сложности и совершенства каждого листка, цветка, корня или семени. Пау-

стовский. Золотая роза. || Приспособленность организмов к условиям существования в природе или их отдельных органов к выполнению присущей им функции. *Целесообразность в строении и жизнедеятельности организмов*» [16, 636].

На основании анализа словарных определений, а также различных языковых средств с семантикой целесообразности мы выделили следующие семы в понятии «целесообразность» с известной долей приблизительности, так как это довольно широкое понятие, применимое к разным сферам деятельности: интеллектуальной, эмоциональной, физической, поведенческой и т.д. Учитывая эти особенности, мы определили в качестве ключевых сем, формирующих понятие «целесообразность», следующие: «ориентация на мнение говорящего», «соответствие поставленной (говорящим же) цели», «разумный», «(практически) полезный», «причинно обусловленный», «закономерный», «соответствующий определенному идеальному состоянию», «нацеленный на перспективу, т.е. желание или стремление человека, направленное в будущее», «продуктивный», «результативный», «плодотворный», «соответствующий представлениям субъекта оценки об эталоне, норме». Одним словом, выражаясь словами Г.А. Золотовой, «удовлетворить требованиям целесообразности – значит сделать шаг в сторону полюса «хорошо» [9, 259].

Основные компоненты, формирующие это значение, – субъект

(производитель действия), адресат, объект, цель в качестве желаемого или представляемого результата той или иной деятельности или события, внутреннее обоснование цели, соответствующего поведения. Это значение может быть целиком сосредоточено на субъекте, на его представлениях о целесообразном, и в этом случае субъект речи или мысли, сравнивая несколько альтернативных вариантов поведения, анализируя их, выбирает из них наиболее приемлемый, целесообразный, с его точки зрения. Конкретный субъект может и не актуализироваться, если это высказывания общего характера, определяемые коллективным опытом человечества, так называемые «вечные истины» – «как это бывает», «как следует поступать в определенных случаях», «как это соответствует гармоничному устройству мира» [10].

Рассмотрим языковые средства выражения целесообразности в русском языке, причем мы будем придерживаться следующей логики их рассмотрения: от центральных, наиболее специфичных и регулярных средств к более периферийным, второстепенным в смысловом и формальном отношении.

Семантика целесообразности может содержаться в лексическом значении некоторых глаголов. Наиболее эксплицитно эта семантика выражается глаголом *следовать* в безличном употреблении:

«– Я иногда самой себя боюсь, ей-богу. Ах, я хотела бы... Правда ли, что женщинам *не следует читать*

много? – Много не нужно, но...» (Тургенев. Ася) [11].

«Чего ж она хочет от вас? Я успокоил его, и мы принялись толковать хладнокровно по мере возможности о том, что нам *следовало предпринять*» (Тургенев. Ася) [11].

«Все, на что он осмелился, – сказать вечером, что старшего конюха *следовало бы* рассчитать: нагл, глуп без всякой меры...» (Степнова. Сад) [11].

Семантика целесообразности может выражаться и другими глаголами в безличном значении:

«Ее (Англию – *Авт.*) *полагается* ценить за хорошие манеры и клубничный джем к пятичасовому чаю...» (Степнова. Лондон) [11].

«...Пришлось уступить. *Приходится* ведь уступать наводнению. Или урагану» (Токарева. Мало ли что бывает) [11].

«... Йоська же был гурманом и знал – какой хлеб в каком месте *стоит* покупать, где подадут вам вкусную рыбу, где можно съесть хороших креветок» (Рубина. Еврейская невеста) [11].

Это могут быть глаголы, употребленные в неопределенно-личных конструкциях, например:

«Оперировать легкое в столь преклонном возрасте *не рекомендовали*» (Улицкая. Люди нашего царя) [11].

В приведенных выше примерах средствами выражения целесообразности являются соответствующие глаголы, употребленные в односоставных безличных (иногда неопределенно-личных) конструкциях.

Из морфологических средств выражения целесообразности в русском языке следует назвать, прежде всего, слова *категории состояния*, которые очень часто и эксплицитно выражают данное значение (*надо, нужно, можно, невозможно, пора*). Например:

«Это было не только на Руси, конечно. “Хороша ли женщина, плоха ли, ей *надо изведать* (= следует – *Авт.*) палки”, – так говорили везде, во всей Европе» (Степнова. Сад) [11].

«Так, получается, это Танюшка у нас всему голова? Ну, на ней мне и *жениться надо было*, – весело и ласково прошептал Владимир Анатольевич – и это было другое весело и ласково, совсем другое» (Степнова. Сад) [11].

Противоположное значение выражается словами *нельзя, неприлично, недопустимо*, например:

«*Неприлично* ограничивать свободу живого существа без всякого смысла – это приводит к рабской косности ума» (Степнова. Сад) [11].

«*Нельзя* так долго жить. Выясняется, что это большое неудобство для близких, которые могут устать в ожидании твоей приличной кончины и с досады выкинуть некрасивое коленце, например, умереть допрежь тебя» (Рубина. На верхней Масловке) [11].

Сема целесообразности (или нецелесообразности) эксплицитно выражается очень часто *кратким прилагательным должен*, реже – другими прилагательными:

«Он не сможет защитить ее от це-

лого света. Она *должна* (= ей следует сделать это самой – *Авт.*) сама. Сама. Статья уместной. Притвориться, что такая же, как все» (Степнова. Сад) [11].

«Прости, что я ударил тебя тогда, за столом. Я *не должен* был. Никто вообще *не должен*. Бить людей *недопустимо*. Детей – особенно» (Степнова. Сад) [11].

Гораздо реже целесообразность выражается *частичками в сочетании с инфинитивом*:

«Мария Степановна прикидывала, *не отправить ли* молодежь к конкурирующей вдове» (Улицкая. Зеленый шатер) [11].

«– Ладно, – сказал он, – *не выпить ли* чаю по этому поводу?» (Рубина. На верхней Масловке) [11].

Сослагательное наклонение, как известно, может выражать различные оттенки в рамках общего значения ирреальности действия: возможность-невозможность осуществления действия, условие, желательность, обусловленность и т.д. Довольно характерным для сослагательного наклонения является значение целесообразности. В этих случаях имеют место косвенные речевые акты, имплицитно выражающие мнение говорящего, например:

«Давно, барыня, *следовало бы* барину к вам *прийти* прощения попросить... Слава богу, что вы помирились» (Достоевский. Кроткая) [11].

Семантика целесообразности часто выражается формами *повелительного наклонения*. Призыв говорящего к осуществлению какого-ли-

бо действия, собственно, и означает, что он считает это действие целесообразным, например:

«И этому тоже научил меня ты. *Суди* людей не по словословию, не по достатку, не по намерениям или помыслам. А только по их поступкам. Истинная ценность человека – в том, как он поступает, а не как называется» (Степнова. Сад) [11].

Русский язык относится к языкам синтетического строя, хотя и с элементами аналитизма, поэтому семантика целесообразности редко выражается описательными конструкциями, например:

«О школе больше не было и речи – сеять просвещение в селе действительно не было смысла. Зато *имело смысл* сеять лен – исключительно выгодная оказалась культура» (Степнова. Сад) [11].

«Саша едва касался ее, но не хотел отпускать руки, хотя *нужды* в этом уже *не было*» (Прилепин. Санкья) [11].

В русском языке существует многообразие синтаксических средств выражения целесообразности. Помимо безличных и инфинитивных конструкций, приведенных выше, это могут быть *вопросительные предложения (в том числе риторические вопросы), восклицательные предложения*, например:

«Граф Лев Николаевич Толстой был, безусловно, хорошего рода и отлично показал себя на военной службе ..., *но зачем же*, будучи порядочным человеком, *строчить* романчики, да еще их потом *публиковать!*» (Степнова. Сад) [11].

«Англичанину всегда было тяжело ломать. Кроме того, все было выстроено из камня. Это и трудно было ломать, а также неэкономично. Дорого. Ломать – зачем, если и так можно жить?» (Степнова. Сад) [11].

Очень часто семантика целесообразности выражается в конструкциях типа «вечные истины» («как это принято», «как следует поступать в каких-то ситуациях») [10], например:

«Тогда он обязательно голодный, как же иначе? Мальчики вашего возраста *всегда хотят есть*» (Степнова. Сад) [11].

«Бланк сам брал взятки и давал их, так *делали все, таково было всеобщее мироустройство*, можно сказать – основной закон российского бытия» (Степнова. Сад) [11].

«Женщины не получали высшего образования. Нет, не так. Женщинам не давали высшего образования. Может, где-то в другом месте, но не в России – точно» (Степнова. Сад) [11].

В создании таких контекстов чаще всего принимают участие формы *настоящего обычного повторяющегося или постоянного действия* (неактуального):

«– Слушай, я что-то забыл – курицу *едят* руками? А то я измучился... – и встретив мой взгляд, виновато рассмеялся» (Рубина. Озябшие странники) [11].

«– Подпоручик! Извольте отложить ножик в сторону. Рыбу и котлеты *едят* исключительно вилкой. Нехорошо-с! Офицер должен уметь есть. Каждый офицер может быть

приглашен к высочайшему столу. Помните это» (Куприн. Поединок) [11].

«Огромные окна парадных комнат..., комнаты, пронизанные солнцем – голландцы *не занавешивают*: «Нам нечего скрывать» (Рубина. Школа света) [11].

«Клин *вышибают* клином. Любовь *вышибают* другой любовью» (Токарева. Мало ли что бывает) [11].

Это могут быть и формы будущего времени, содержащие модальный компонент «следует»:

«Конечно, Мейзель знал, что рано или поздно она *выйдет* замуж» (Степнова. Сад) [11].

Таким образом, мы видим, что для русского языка семантическая категория целесообразности – это очень значимая категория, реализующаяся за счет разнообразных языковых средств, большинство из которых очень употребительны.

К лексико-морфологическим средствам выражения целесообразности следует отнести глаголы, прилагательные, слова категории состояния с соответствующей семантикой, именно поэтому мы определяем эти средства не как чисто морфологические, а как лексико-морфологические.

К морфологическим средствам выражения целесообразности мы отнесли частицы, формы императива, формы конъюнктива, косвенно выражающие побуждение к совершению действий, целесообразных с точки зрения говорящего; формы настоящего-будущего времени, употребленные в компонентах художе-

ственного текста, определяемых как «вечные истины».

Синтаксическими средствами выражения семантики целесообразности являются безличные конструкции (с соответствующими глаголами), инфинитивные конструкции (в том числе в сочетании с частицами и предложно-падежными формами), вопросительные, восклицательные предложения, аналитические (описательные) конструкции, высказывания, содержащие так называемые «вечные истины».

Такое изобилие языковых средств выражения целесообразности в русском языке свидетельствует о чрезвычайной значимости концепта «целесообразность» для русской языковой картины мира.

Представим семантическую категорию целесообразности в русском языке в виде функционально-семантического поля на основании критериев эксплицитности выражаемой семантики и регулярности употребления. К центру, на наш взгляд, следует отнести 1) глаголы, слова категории состояния, прилагательные с соответствующей семантикой, 2) формы императива и конъюктива с семантикой целесообразности, 3) безличные конструкции, 4) высказывания, называемые «вечными истинами». К периферии можно отнести 1) частицы, 2) инфинитивные и неопределенно-личные предложения, 3) аналитические (описательные) конструкции.

Обратимся теперь к рассмотрению средств выражения целесообразности в осетинском языке.

Анализ собранного материала показал, что основными и наиболее регулярными средствами выражения семантики целесообразности являются *причастия будущего времени* на *-инаг*, которые на самом деле выражают не столько семантику будущего времени, сколько модальную семантику целесообразности – «то, что следует, целесообразно сделать в будущем» [7].

Н.К. Багаев полагает, что эти причастия, выступая в качестве именной части составного сказуемого, выражают долженствование, намерение произвести соответствующее действие [2, 352].

А.П. Выдрин выделяет в осетинском языке две конструкции, образуемые причастиями будущего времени с глаголом *уæвын* (*быть*): конструкцию перспективного намерения и конструкцию необходимости [20]. Он выявляет морфосинтаксические различия между этими конструкциями, а также приходит к выводу, что в осетинском языке имеется грамматическая категория перспективности, хотя и слабо развитая, так как единственным грамматическим средством выражения перспективы в различных временах и наклонениях является конструкция с причастием будущего времени и вспомогательным глаголом *уæвын* 'быть' [20, 160].

Мы согласны с А.П. Выдриным в том, что семантика этих причастий содержит перспективность, выше мы выделили эту сему в ряду других сем, составляющих значение целесообразности, – «нацеленный

на перспективу; желание или стремление человека, направленное в будущее». Вопрос о том, имеется ли в осетинском языке грамматическая категория перспективы, выраженная конструкцией с причастиями на *-инаг*, не входит в зону нашего рассмотрения. В данной статье мы исследуем смысловой аспект причастий будущего времени на *-инаг* и полагаем, что наиболее характерная семантика, выражаемая ими, – это именно семантика целесообразности, например:

«Сæйрагдæр мæнг хатдзæг у, классиктæн æрмæст сæ дæсныад у райсинаг, зæгъгæ, уыцы тезис» (Джыккайты Шамил. Ныхасы фарн: Зонадон уацтæ æмæ эссе (1996) [13] – Основной неверный вывод, у классиков *следует* *взять* только лучшее, такой, якобы, тезис¹.

«Фæткъуы йæ афоныл *тони*наг у» (Айларов И., Гаджинова Р., Кцоева Р. Пословицы. (2005) [13] – Яблоко *следует* *срывать* вовремя.

«Афтæ мыхуыргæнгæйæ “Фидиуæг”, зæгъгæм, ацы аз джиппы рауадздæн 2 авторон сыфы æмæ уый нæ уавæры у *раппæлинаг*» (Бестаев Г.Г. Произведения. Т. 3. (2004) [13] – Так публикуя, «Фидиуæг», к примеру, в этом году выпустит 2 авторских листа, и этим обстоятельством в нашем положении *следует* *гордиться* (букв.: *похвастаться*. – Авт.).

«Мард – *кæуинаг*» (Пословицы. Айларов И., Гаджинова Р., Кцоева Р. (2005) [13] – Мертвеца *следует* *оплакивать*.

«Дæусен дæр бирæ *кæрдинаг* ницы ис, æз дæр – *иунæг*, ды дæр» (Джусой-

ты Нафи. Фыдæлты туг. (2010) [13] – Тебе тоже *не следует* *особо рассуждать*, и я один, и ты одна.

«Æмæ уæд мидбылты худгæ йæ цæст адæмыл хæсдзæн: ома, уæхæдæг æй хъусут, кæи фыст у, уымæн зонгæ дæр ницы кæны, фæлæ æрмæг *раппæлинаг* у æмæ дзы æппæлы, раст адæймагæн куыд æмбæлы, афтæ» (Мах дуг. 2.1996. (1996) [13] – И тогда, улыбаясь, будет смотреть на людей: сами слышите, он ничего не знает о том, кто это написал, однако материал *следует* *похвалить*, и он это делает, как и положено порядочному человеку.

«Уый раст зæгъгæ: дыууæ лæппуы мын уыдзæнис, сразы Сырдон, фæлæ ам сæйраджы *фæрсинаг* йæ мад æмæ йæ фыд *сты...*» (Джусойты Н.Г. Слезы Сырдона. (2004) [13] – Ты правильно говоришь: у меня будет два сына, согласился Сырдон, но тут *следует* *спросить* его мать и отца.

Нельзя, однако, утверждать, что эти причастия выражают только семантику целесообразности, очень часто они выражают намерение совершить действие, например:

«Æви уымæй Анна Каренина *бафæрсинаг* у?.. (Гусалты Б. Рæсæн: Уацмыстæ. (2008) [13] – Или он *собирается* об этом *спросить* у Анны Карениной?

«Цы æрымысинаг уыдис ай та? (Казиев М. Я верю. (2005) [13] – А этот что *собирался придумать*?

Семантика целесообразности эксплицитно, явно выражается некоторыми глаголами, например, глаголом *фæтчы* (полагается). Этот

глагол не имеет форм 1 и 2 лица, употребляется только в форме 3 лица единственного числа настоящего и прошедшего времени изъявительно-го склонения (*фæтчы, фæтчыди*), настоящего и прошедшего времени желательного склонения (*фæтчыд фæтчыдаид*), не употребляется в будущем времени изъявительного склонения, а также в сослагательном и повелительном склонениях [2, 334]. Этот глагол с ущербной парадигмой можно отнести к безличным глаголам. Другие безличные глаголы, по сведениям Н.К. Багаева, бывают в форме 3 лица единственного числа во всех склонениях [2, 334]. Для нас этот глагол интересен тем, что он совершенно отчетливо выражает семантику целесообразности, например:

«*Кувинаг бæгæныйæн куыройы бынæй (куыройы дæле) æмæ æхсæвыгон дон нæ истæуы, нæ фæтчы*» (Хæуытаты Къоста. Уæздандзинады гуырæнтæ. (2012) [13] – Для пива, предназначенного для молитвы, не следует брать воду из-под мельницы и ночью, *не положено (= не следует)*).

Другой глагол, выражающий семантику целесообразности на уровне своего лексического значения, – это глагол *хъæуын*, употребляющийся в сочетании с другим смысловым глаголом, обозначающим то действие, осуществление которого и представляется целесообразным или нецелесообразным, например:

Уыдоны хорзæхæй Хуыцауы хорзæхæй уæлдай нæй æмæ сын æдзухдæр сæ ном арын хъæуы, сæ фæстæ чи баззад, уыдоны сыл фæд-

зæхсын хъæуы» (Гаглойты В. Гъе, мардзæ, исчи!.. (2009) [13] – Их благодать и Божья благодать одинаковы, поэтому всегда *следует чтить* их, оставшихся после них (потомков. – Авт.) *вверять* их милости.

«*Скъоладзауты æхсæн ис уникалон сывæллæттæ дæр, кæцытæн ис хорз фæстиуджытæ, фæлæ иумæй-агæй дзургæйæ, фæстиуджытæ хъæуы бæрзонддæр кæнын*» (Бæройты Хасан: Цæгат Иры скъоладзаутæ нæ фæразынц ГТО-йы домæнтæ, 17.01.2017. Sputnik Хуссар Ирыстон (Андрей Варенков) (2017) [13] – Среди школьников есть уникальные дети, которые достигают хороших результатов, однако результаты *следует повышать*.

Семантика целесообразности в осетинском языке регулярно выражается частицей *хъуамæ*, употребляемой с формами конъюнктива, хотя формы сослагательного склонения могут употребляться и без нее. Частица *хъуамæ* определяется исследователями как модальная частица с семантикой долженствования, предположения (например: [2, 446]). Мы согласны с Н.К. Багаевым, что данная частица выражает семантику долженствования, но совмещенную с целесообразностью. Эти два значения очень тесно связаны и часто выступают в сопряженном виде. Это подтверждается и языковым материалом, например:

Хидыл уæлбæхæй ахизæн нæй, хъуамæ рахизай æмæ дæ бæх йæ идонæй аласай. (Слезы Сырдоны. Джусойты Н.Г. (2004) [13] – По мо-

сту на коне не проедешь, ты должен (= следует. – Авт.) слезть с него и повести коня за удила.

«Гегировы æмбæлттæ фæрабар-бабар кодтой сæ уавæртæ æмæ æрцыдысты иу хатдзæгмæ: иучысыл рæстæг нæ фæд фесафыны тыххæй хъуамæ алчидæр абада ахæстоны» (Мæ хæстон æфсымæр. Черчесты Хъасполат (1960–2012) [13] – Друзья Гегира долго обсуждали свое положение и пришли к решению: чтобы замести следы, каждому следует посидеть (букв.: должен посидеть. – Авт.) в тюрьме.

Другие части речи тоже могут выражать семантику целесообразности, если это значение входит в их лексическое значение, например, прилагательные:

«Фæндыд мæ, кæсон æм, фæлæ уый бынтон аив нæ уыд» (Уацмыстæ. Коцойты Арсен (1895–1944) [13] – Я хотел смотреть на него, но это было не совсем уместно (= так не следовало делать. – Авт.).

Формы императива выражают семантику целесообразности в кругу других значений, и в этом осетинский язык не проявляет отличий от русского языка, например:

«Ирон лæг, цины, зианы афтæ кæн, уфтæ ма кæн!» (Ирон адæмон сфæлдыстад. Дыууæ томы. Фыццаг том (1900–1950) [13] – Осетин, в счастье, в несчастье так делай (= следует делать. – Авт.), а так не делай (= не следует делать. – Авт.)!

«Иу сыкъайæ-иу ын уæддæр ссар йæ ном, Бынатыхицауæн» (Я верю. Казиев М. (2005) [13] – Хоть одним бокалом (рогом) вспомни (= следует

вспомнить. – Авт.) имя покровителя жилища!»

В осетинском языке тоже очень часто встречаются конструкции, которые можно отнести к так называемым «вечным истинам». В них, например, часто описывается кодекс поведения осетина или осетинки или предписываются какие-то правила (как следует себя вести в определенной ситуации), то есть семантика целесообразности создается за счет смысла всей конструкции, например:

«Хицауæн ныхасæй кæнæ æндæр истæмæйтты козбау митæгæнæг цæрæнбонны ирæттæм æгад уыди, нæ цытджын фыдæлтæ, иннæ адæмыхæттытæй хъауджыдæр хицауы раз уæрджытыл никуы лæууыдысты» (Уæздандзинады гуырантæ. Хæуытаты Къоста (2012) [13] – Пресмыкаться перед начальством словом или чем-то другим у осетин считалось недостойным (= не следовало так поступать. – Авт.) наши почетные предки в отличие от других народов никогда ни перед кем не вставали на колени.

Цæстдаринагтæ йын бирæ ис – усæй, чындзæй... – Дзæгъæл дзырд нæ фидауы сылгоймагæн ... (Хурхæтæны. Æгъуызарты Æхсарбег (2012) [13] – У него много опекаемых – жена, невестка... – Женщине не следует много лишнего говорить (букв.: чрезмерная говорливость не украшает женщину. – Авт.).

Уырдыгæууæджы хæстæ сты: – циндзинады уырдыгæууæгæн йæ бынат ис фынджы рахиз фарс, марды кæнды та – галиуырдыгæй...»

(Уæздандзинады гуырæнтæ. Хæуытаты Къоста (2012) [13] – Обязанности того, кто обслуживает стол: на радостном мероприятии ему *следует стоять с правой стороны*, а на похоронах – *с левой стороны...* (букв.: его место – с правой стороны... – Авт.).

Из синтаксических средств выражения целесообразности следует назвать *вопросительные конструкции*:

«Уæд та ныртæккæ *аныхас кæниккам?*», – бафарстон æй æз. (Мах дуг. 3.2004. 2004) [13] – Может, нам *стоит поговорить* сейчас? (= следует поговорить. – Авт.).

Дурхан батыхст: – *Омæ мын ды гилдзытæ загътай, топны кой дæм нæ уыди. – Æмæ дæхиуыл сæр нæй?* (8.1997. Мах дуг (1997) [13] – Дурхан озадачилась: Но ты мне говорил о патронах, про ружье речи не было. – А что у тебя самой *головы нет на плечах* (= следует иметь голову на плечах. – Авт.)?

В нашем материале встретился только один пример *безличной конструкции* с семантикой целесообразности:

«Цæй, куыд дын зæгъон сæргомæй: *“Нæй дын, нæй дын ауадзæн!”*» (Мах дуг. 10.1998. (1998) [13] – Ну, как мне сказать тебе откровенно: *«Нельзя тебя отпустить!»* (= не следует отпустить. – Авт.).

Семантика целесообразности может выражаться *имплицитно*, в этом случае часто имеют место *косвенные речевые акты*, например:

«Уым кæлы Уæрæсейы хуыздæр хъæбултты туг, *сымах та ам арахъхъ æницъухут, æнцадæнцойæ фынæй кæнут уæхицæн*» (Хъарæг кадæгæй

баивта. Хостыхъоты Зина (1954–2012) [13] – «Там проливается кровь лучших сынов России, а вы тут *хлещете араку* (= так не следует делать. – Авт.), спокойно спите себе».

«Папæ, *искуы дæ исты райстон, искуы мын истæмæй феххуыс кодтай?*» (Хуссар Ирыстон бауæрстой дьууæ мин Георгийон лентæйæ фылдæр, 05.05.2015.Sputnik Хуссар Ирыстон (Ада Багиан) (2015) [13] – «Папа, *я когда-нибудь у тебя что-нибудь брал, ты мне когда-нибудь чем-нибудь помог?* (= а следовало бы помочь. – Авт.)»

Гораздо чаще, чем в русском языке, представлены *описательные конструкции*, выражающие семантику целесообразности, что объясняется и преобладанием элементов аналитизма в осетинском языке, и его метафоричностью, например:

«Абон *мах хæс у цыфæндыйæ дæр цъаммар немыцаг фашистты ацы дьууæ фидарæй атæрын!* — *хъæр кодта батальоны командир кæстæр лейтенантæн*» (Мах дуг. 9.2003. (2003) [13] – «Сегодня наш долг – любым способом *выбить* (= следует выбить. – Авт.) фашистов из этих двух укреплений! – кричал командир батальона младшему лейтенанту.

«Кафыны зæрдæ мæм ис æви нæ, *уымæй мæ афæрсыны аккаг не скодтой*» (Я верю. Казиев М. (2005) [13] – «Хочется мне танцевать или нет – *не посчитали нужным спросить* (= целесообразным. – Авт.) меня.

«Стæй рæгъæуттæн сæ дзæбæхтæй *цалдæр рахицæн кодтон* – *бæхрæгъæуттæ мæ хъомрæгъæут-*

тæй – лыстæг фос уырдыгæй ардæм се скъæрыны аргъ не сты» (Нарты фарнæг. Хугаев С.З. (2000) [13] – «Потом отобрали из стада лучших – лошадей и коров – мелкий скот не посчитали нужным гнать оттуда сюда.

Таким образом, в осетинском языке тоже представлены разнообразные языковые средства выражения целесообразности: морфологические (причастия на *-инаг*, частица *хъуамæ* в сочетании с формами конъюнктива, формы императива), лексико-морфологические средства (безличный глагол *фæтчы*, глагол *хъæуын* в сочетании с другим смысловым глаголом, прилагательные с соответствующим лексическим значением), синтаксические средства (вопросительные предложения, описательные конструкции, безличные предложения). Семантика целесообразности часто выражается в высказываниях, определяемых как «вечные истины» за счет смысла всей конструкции.

Наиболее существенным отличием системы осетинского языка является наличие причастий будущего времени, основной функцией которых является выражение семантики целесообразности. На основании количественных подсчетов можно сделать вывод, что значение целесообразности – это основное значение этих причастий, хотя в определенных условиях они

могут выражать другую интенцию – намерение совершить действие. Существование причастий, имеющих своей основной функцией выражение семантики целесообразности, очевидно, обусловило меньшее количество специальных глаголов с данным значением по сравнению с русским языком.

Другая важная отличительная особенность осетинского языка – более частое выражение семантики целесообразности описательными конструкциями, что вполне соотносится с аналитическим характером осетинского языка, а также его метафоричностью.

В осетинском языке гораздо меньше глаголов с семантикой целесообразности, отсутствуют слова категории состояния, являющиеся одним из ярких средств выражения семантики целесообразности в русском языке, инфинитивные и неопределенно-личные конструкции.

ФСП целесообразности в осетинском языке можно представить следующим образом: к центру следует отнести 1) причастия на *-инаг*, 2) специальные глаголы (*фæтчы*, *хъæуын+...*), 3) частицу *хъуамæ* в составе сослагательного наклонения, 4) формы императива, 5) аналитические конструкции, 6) высказывания, содержащие «вечные истины»; к периферии – 1) вопросительные предложения, 2) безличные конструкции.

Примечание:

1. При переводе примеров с осетинского языка на русский использованы Русско-осетинский словарь В.И. Абаева [1] и Большой русско-осетинский словарь Л.Б. Гацаловой и Л.К. Парсиевой [6].

-
1. Русско-осетинский словарь / Сост. В.И. Абаев. 3-е изд. М., 2000.
 2. Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Орджоникидзе, 1965. Ч. I.
 3. Балли Ш. Язык и жизнь / Пер. с фр. М., 2003.
 4. Ваулина С.С., Кукса И.Ю. Лингвистические стратегии реализации побудительной модальности в политическом лозунге и рекламном слогане // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. № 2. С. 63-73.
 5. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии: (на материале русского и родственных языков) // Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 166-220.
 6. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. Большой русско-осетинский словарь. Владикавказ, 2011.
 7. Годизова З.И., Габисова Д.В. Система причастий в осетинском языке в сопоставлении с русским языком // Известия СОИГСИ. 2020. Вып. 35(74). С. 62-70.
 8. Дубовик Е.И., Нагорный И.А. Диктумно-модусная организация предложений с модальным значением целесообразности в современном русском языке // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 12(107). С. 21-28.
 9. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
 10. Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
 11. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
 12. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 21-е изд., переработанное и дополненное. М., 1989.
 13. Осетинский национальный корпус. [Электронный ресурс]. URL: http://corpus.ossetic-studies.org/search/index.php?interface_language=ru
 14. Романова В.Н. Выражение модального значения целесообразности/нецелесообразности действия в односоставных глагольных предложениях: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
 15. Русская грамматика: В 2 т. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2005.

16. Словарь русского языка: В 4-х т. Издание 3-е, стереотипное. М., 1985-1988.
17. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
18. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
19. Чернявская Н.А. Семантическая системность лексем, выражающих значение целесообразности-нецелесообразности // Вестник Самарского государственного университета. 2000. № 3(17). С. 111-118.
20. Vydrin A. Two Ossetic constructions with the future participle: prospective-intention and necessity // Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. "IRAN-TURAN". Wiesbaden, 2017. Band 18. Pp. 147-163.

Godizova, Zara I. – K.L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia); godizovazi@rambler.ru

Gabisova, Dzerassa V. – Vladikavkaz Institute of Management (Vladikavkaz, Russia); dove74@mail.ru

SEMANTIC CATEGORY OF EXPEDIENCY IN THE RUSSIAN AND OSSETIAN LANGUAGES.

Keywords: Modality, expediency, the Russian language, the Ossetian language, linguistic means of expression, functional-semantic field.

The article is devoted to the comparison of the semantic category of expediency in the Russian and Ossetian languages. The aim of this study was to determine all the possible means of expediency expression in compared languages, possible differences in the range of these means and in their status. The relevance of the research is due to the fact that the comparison and determination of all possible linguistic means of expression of this semantic category in the Russian and Ossetian languages will be a significant contribution to comparative linguistics, to the study of the functional-semantic category of modality, the specific modal meaning of expediency. The scientific novelty of the article is in the fact that the semantic category of expediency attracted scientists' inadequate attention and is still completely unstudied in comparative aspect. Methods of observation, description, functional and semantic analysis, component analysis, quantitative technique were used in the research. The analyses showed that the semantic category of expediency is represented by the various language means of expression (lexical, morphological, and syntactical) in both languages. It highlights the importance of concept "expediency" for the Russian and Ossetian linguistic world-image. The central and peripheral components of functional and semantic field of expediency in the Russian and Ossetian languages have been defined. Significant differences in the system of linguistic means of expressing expediency in both languages have been revealed as well. The most considerable difference in the system of the Ossetian language is the existence of future participles where their main function is expressing expediency. The frequency of expressing the described function by the descriptive constructions favors analytism and metaphoricity of the Ossetian language. The Ossetian language can be characterized by occasional use of verbs with expediency semantics and by no cases of words of state category, which are rather powerful means of expediency expressing in Russian. Syntactic

constructions with expediency semantics (impersonal, infinite, indefinite personal) are also represented to a lesser extent.

REFERENCES

1. Abaev, V.I. (comp.). *Russko-osetinskii slovar'* [Russian-Ossetian Dictionary. 3rd ed.]. Moscow, Nauka, 2000. 583 p.
2. Bagaev, N.K. *Sovremennyyi osetinskii yazyk* [Modern Ossetian Language]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965, part I. 487 p.
3. Bally, Ch. *Yazyk i zhizn'* [Language and Life. Transl. from French]. Moscow, URSS, 2003. 230 p.
4. Vaulina, S.S., Kuksa, I.Yu. *Lingvisticheskie strategii realizatsii pobuditel'noi modal'nosti v politicheskom lozunge i reklamnom slogane* [Linguistic strategies of realization of incentive modality in political watchword and advertizing slogan]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Volgograd State University Bulletin. Series 2. Linguistics]. 2018, vol. 17, no. 2, pp. 63-73.
5. Vinogradov, V.V. *Slovoobrazovanie v ego otnoshenii k grammatike i leksikologii: (na materiale russkogo i rodstvennykh yazykov)* [Word formation in its relation to grammar and lexicology (on the Russian and kindred languages material)]. *Issledovaniya po russkoi grammatike* [Studies on Russian Grammar]. Moscow, 1975, pp. 166-220.
6. Gatsalova, L.B., Parsieva, L.K. *Bol'shoi russko-osetinskii slovar'* [The Great Russian-Ossetian Dictionary]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2011. 690 p.
7. Godizova, Z.I., Gabisova, D.V. *Sistema prichastii v osetinskom yazyke v sopostavlenii s russkim yazykom* [System of participles in the Ossetian language compared to the Russian language]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2020, iss. 35(74), pp. 62-70.
8. Dubovik, E.I., Nagornyy, I.A. *Diktumno-modusnaya organizatsiya predlozhenii s modal'nym znacheniem tselesoobraznosti v sovremenном russkom yazyke* [Dictum and modus structure of sentences with modal meaning of expediency in modern Russian]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities Series]. 2011, no. 12(107), pp. 21-28.
9. Zolotova, G.A. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian]. Moscow, Moscow State University, 1998. 524 p.
10. Maslov, Yu.S. *Izbrannyye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected works. Aspectology. General linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 840 p.

11. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian Language National Corpus]. [Electronic resource]. URL: <https://ruscorpora.ru>
12. Ozhegov, S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian language Dictionary. 21st ed.]. Moscow, Russkii yazyk, 1989. 924 p.
13. *Osetinskii natsional'nyi korpus* [Ossetic National Corpus]. [Electronic resource]. URL: http://corpus.ossetic-studies.org/search/index.php?interface_language=ru
14. Romanova, V.N. *Vyrazhenie modal'nogo znacheniya tselesoobraznosti / netselesoobraznosti deistviya v odnosostavnykh glagol'nykh predlozheniyakh* [Expression of the modal meaning of the action expediency / non-expediency in mononuclear verbal sentences]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in Philology). Moscow, 2008. 20 p.
15. *Russkaya grammatika. V 2 t.* [Russian grammar. In 2 vols]. Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute, 2005.
16. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian language Dictionary. In 4 vols. 3rd ed.]. Moscow, Russkii yazyk, 1985-1988.
17. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of functional grammar. Temporality. Modality]. Leningrad, Nauka, 1990. 264 p.
18. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1983. 840 p.
19. Chernyavskaya, N.A. *Semanticheskaya sistemnost' leksem, vyrazhayushchikh znachenie tselesoobraznosti-netselesoobraznosti* [Semantic systemacy of lexical units, expressing the meaning of expediency / non-expediency]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Samara State University Bulletin]. 2000, no. 3(17), pp. 111-118.
20. Vydrin, A. Two Ossetic constructions with the future participle: prospective-intention and necessity. Prospective and Proximative in Turkic, Iranian and beyond. "IRAN-TURAN". Wiesbaden, 2017, band 18, pp. 147-163.